

Т.В. Смирнова

Ю.А. Олсуфьев: материалы к биографии

Граф Юрий Александрович Олсуфьев (1878–1938), выдающийся специалист в области древнерусского искусства, один из создателей Сергиево-Посадского историко-художественного музея, около 10 лет жил и работал в Сергиевом Посаде (Сергиеве). В 1980–1990-х годах Г.И. Вздорнов опубликовал ряд работ о жизненном и творческом пути Ю.А. Олсуфьева, список его научных трудов, а также рукопись воспоминаний Олсуфьева об усадебном доме в Буйцах и вывел имя этого человека из забвения¹. Однако сергиево-посадский период в деятельности Олсуфьева при этом был освещен скупо. Цель данной работы: показать этот период на основе ряда новых материалов из архивов СПМЗ, ЦА ФСБ РФ, ОПИ ГИМ и почти не привлекавшихся ранее мемуаров.

Напомним уже известные факты жизни Олсуфьева. Он учился на юридическом факультете петербургского университета. Уже в студенческие годы проявлял большой интерес к искусству. После окончания университета в 1902 г. и женитьбы на Софье Владимировне Глебовой поселился в своей усадьбе Красные Буйцы Тульской губернии². Много занимался широким кругом вопросов, связанных с искусством. Стал председателем Тульского отделения общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, предпринял выпуск серии «Памятники искусства Тульской губернии» в шести томах, был членом московского археологического института и двух архивных комиссий.

Граф А.В. Олсуфьев, отец Юрия Александровича, в 1902 г. начал работы по созданию храма во имя преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле: пожертвовал участок принадлежавшей ему земли и заказал проект храма архитектору А.В. Щусеву. А в 1908 г. был учрежден строительный комитет под председательством Ю.А. Олсуфьева. В связи с

этим он совершил несколько поездок в древние русские города для знакомства с памятниками архитектуры, а также изучал раскрытые в начале XX в. древнерусские иконы в Русском музее.

После Февральской революции граф с женой и сыном покинул усадьбу. Он вспоминал: «5 марта 1917 года, взяв с собой икону Тихвинской Божией Матери и святого Николая Чудотворца, мы выехали из Буец, направляясь сначала в Оптину к отцу Анатолию, которого глубоко чтит С[оня], затем в Москву. Будущее представлялось нам смутным и тревожным. <...> Не доезжая мельничного моста через Непрядву, мы оба оглянулись на дорогу нашу усадьбу, на милый светлый дом на горе... Увидим ли мы его снова, или в последний раз он представляется нашим взорам – таковы были наши мысли, исполненные грустных предчувствий. В Оптине отец Анатолий благословил наше намерение приобрести дом в Сергиевом посаде, куда мы и переехали жить под покров Преподобного»³.

Начался сергиево-посадский период жизни Олсуфьевых. Они купили дом у купца Горяйнова на Вальной улице, недалеко от Троице-Сергиевой лавры. Первые годы на новом месте были для Олсуфьевых, видимо, особенно трудны. Но и в то время они старались помогать тем, кому было еще хуже. Приехавший из Петрограда летом 1917 г. В.В. Розанов с семьей оказался в бедственном положении. Он познакомился с Олсуфьевыми. Софья Владимировна часто его навещала во время последней его болезни, и Розанов в письме незадолго до кончины писал: «... конечно, графа и графиню Олсуфьевых больше всего благодарю за ласку»⁴. Софья Владимировна взяла на себя и хлопоты по похоронам писателя.

Летом 1918 года из Ярославля перебралась в Сергиев Посад княгиня Н.В. Урусова с семью детьми, потерявшая абсолютно все имущество во время ярославского мятежа. В своих воспоминаниях она писала: «Познакомилась я в Посаде с семьей графа Ю.А. Олсуфьева, принявшей в нас сердечное участие, но они тоже были совсем разорены и, хоть очень хотели бы, но мало чем могли помочь»⁵.

Осенью 1918 г. Всероссийской коллегией по делам музеев и охране памятников искусства была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры (далее – Комиссия) и утвержден ее состав. 28 октября председателем Комиссии был выбран архитектор И.Е. Бондаренко, а его заместителем Олсуфьев. С самого начала работы Комиссии Олсуфьев проявил исключительную активность. На первом заседании он выступал много раз: интересовался районом действия Комиссии, спрашивал, должны ли войти в опись вещи, не имеющие художественной ценности, напоминал об иконостасе церкви в Трапезной, высказывался против дробления библиотеки и изъятия из нее рукописей, предлагал заменить иконы в западном приделе Троицкого собора древними иконами из Ризницы, говорил о необходимости снятия окладов с икон Троицкого собора, предлагал обсудить условия приемки икон в Комиссию и научную сторону этих работ. По предложению Олсуфьева П.А. Флоренский был избран ризничим, а его помощником монах Диомид Егоров⁶. На том же заседании Олсуфьев огласил уже написанную им записку об архитектурной и живописной реставрации Троицкого собора Лавры⁷. Из этого видно, что он, обеспокоенный судьбой ценностей Лавры, начал работу по их изучению еще до официального создания Комиссии.

С самого начала Олсуфьев хорошо понимал необходимость издательской деятельности, на что справедливо указывает Г.И. Вздорнов⁸. Однако последний полагает, что вопрос об издании каталогов был впервые поставлен Олсуфьевым через год после создания Комиссии. Сейчас удалось уточнить, что еще 9 ноября 1918 г., то есть через 11 дней после первого заседания Комиссии, Олсуфьев сделал доклад о миниатюрах рукописных книг лаврской библиотеки, представил сделанный им каталог миниатюр и предлагал издать его в красках⁹. Но первым изданием, которое предприняла Комиссия, был выпуск путеводителя по Троице-Сергиевой лавре. В декабре 1918 г. приняли решение сделать его в виде сборника очерков. Два из них

написаны Олсуфьевым. Однако большая часть тиража осталась несброшюрованной и позднее была уничтожена¹⁰.

Из протоколов Комиссии видно, что в 1918–1919 гг. Олсуфьев выступал почти на каждом заседании. Он сделал несколько докладов об иконах, но, кроме того, часто ставил вопросы хозяйственно-административного характера, чувствуя свою ответственность за общее дело, как заместитель председателя Комиссии. Его беспокоили вопросы возврата древних рукописей, взятых разными учреждениями, вопросы охраны Лавры, телефона, сигнализации, отопления, выбора места для канцелярии, кирпича для реставрационных работ, башенных часов, записи колокольных звонов лаврской колокольни, сохранения архива архиепископа Никона, сокращения штатов, застекления расчищенных икон Троицкого собора, создания запаса дров и пр.¹¹ Ему было поручено информировать местное население о работе Комиссии, так как среди жителей города были волнения и даже высказывались угрозы по адресу Комиссии в связи с предполагаемым вскрытием мощей Сергия Радонежского¹². Когда в 1919 г. храмы Лавры вместе с богослужебными предметами были переданы верующим, оформлением списков передачи монастырского имущества занимался также Олсуфьев¹³.

В октябре 1919 г. им был составлен доклад о положении Комиссии, утвержденный заведующей Отделом по делам музеев Главнауки Н.И. Троцкой¹⁴.

Самым важным делом в то время была приемка икон и других ценностей Лавры – работа, которую Олсуфьев проводил вместе с Флоренским¹⁵. Т.В. Розанова, принятая машинисткой в канцелярию Комиссии, в своих воспоминаниях писала, в каких условиях происходила эта работа: «Ю.А. [Олсуфьев] и П.А. [Флоренский] произвели инвентаризацию всех ценностей ризницы с полным научным описанием музейных предметов, так что в настоящее время многие научные работники удивляются тому, как двое ученых смогли сделать такую огромную работу. Раньше в ризнице

монастыря предметы были записаны только под номерами, без научного описания и без точного определения.

Обыкновенно Ю.А. [Олсуфьев] и П.А. [Флоренский] брали из ризницы или из фондов музея церковные предметы или книги, делали описи и определяли время их создания, всю эту работу они производили в комнате рядом с нашей канцелярией. Я часто заходила в ту комнату и видела их работу. В комнате у них было очень холодно. Я удивлялась их терпению и выносливости, но они, погруженные в работу, ничего не замечали. Сделав на нескольких страницах опись, Ю.А. сдавал мне их перепечатать. <...>

Таков был Ю.А. на работе – всегда подтянутый, аккуратный, исполнительный, молчаливый, погружено всецело в свои занятия. На собраниях он редко бывал. Таким же молчаливым, серьезным он был дома. Также много работал по вечерам над своими научными трудами. Я часто по вечерам у них бывала, заходила главным образом к Софье Владимировне. Бывало, сижу у нее в комнате, а Юрий Александрович уже зовет ее: «Соня, Соня, поди сюда!» Без Софьи Владимировны он не мог быть и минуты, всегда ему надо было чувствовать ее присутствие. <...> Юрий Александрович любил со мной разговаривать и подшучивать, но вообще был строгий и молчаливый, и особенно не любил гостей, да, правда, к ним редко кто и приходил»¹⁶.

Описание городской усадьбы и образа жизни Олсуфьевых в 1997 г. по просьбе автора сделала их родственница графиня А.В. Комаровская¹⁷. «При близости к центру все это место было тихим и укромным. Окнами и крыльцом второго этажа дом выходил на улицу. Справа от него, за глухой оградой, был сад с тенистыми липами, куда выходили два балкона – верхний и нижний. Сад переходил в участок, засаженный яблонями, с огородом и зарослями малины, среди которых шла дорожка, кончавшаяся скамейкой над спуском к небольшому пруду, заросшему ряской. Все замыкалось небольшой полоской земли за прудом, только чтобы его обойти. По ней шел забор, за которым тек ручеек, а за ним пригорок и поле с огородами, через

которое можно было пройти к первой железнодорожной будке и ближайшему лесу. С правой стороны поля у переезда глухо шумела небольшая текстильная, бывшая Зайцевская фабрика. С левой стороны пруда, в саду, стояла небольшая бревенчатая баня, а прямо за домом был двор с двумя каменными сараями, где помещались корова, лошадь, сеновал, дрова. Рядом погреб. Все вместе было образцом усадьбы с необходимым хозяйством.

Сейчас это место вытоптано, оголено, и нельзя понять, что раньше здесь было столько уголков и солнечных, и тенистых.

В начале 1920-х годов Ю.А. Олсуфьеву было сорок с небольшим лет. Не очень высокого роста, с сосредоточенным и живым лицом, он, может быть, был похож на крестьянина, когда в зимнее время, в старенькой рыжей барашковой шапке и коричневой куртке, со знанием дела запрягал лошадь или пилил дрова. Теперь, может быть, странно было бы услышать, как работавшая с ним девушка Саша, помогая ему, почтительно обращалась к нему, называя его по-прежнему. Она была воспитанницей приюта, устроенного Олсуфьевыми в их имении Буйцы, откуда они взяли ее с собой, уезжая. <...>

Помню дядю Юрия всегда занятым или по хозяйству, или спешащим стремительно в Лавру на работу. Он держался несколько в стороне от большого круга знакомых, съехавшихся в это время в Сергиев Посад. И случалось, что совсем не выходил к гостям, которых принимала жена его. Поэтому, вероятно, некоторые считали его нелюдимым, хотя это было совсем не так. В этом сказывалось его нежелание отвлекаться и рассеиваться в общих разговорах.

Софья Владимировна была тогда молодой, но давно себя такой не считала. Она очень рано вышла замуж и в начале 1920-х годов была матерью уже взрослого сына. Высокая, худощавая, немного смуглая – такой изобразил ее В.[А.] Серов¹⁸. Кажется, художник передал главные ее черты – великолепную простоту, полное отсутствие фальши и богатую внутреннюю

жизнь. На портрете она причесана по моде 1910-х годов, в нарядном летнем платье. Я же помню ее в черном, повязанном назад платке, крайне просто одетой, спешащей на службу в Гефсиманский скит, или же дома, опустившей голову с прямым пробором над работой. Всегда она была быстрой, бодрой, веселой. Главная ее жизнь была в церкви. Подоив корову, она спешила в скит к ранней обедне – расстояние от города около трех километров, – так же торопливо возвращалась, чтобы поспеть к утреннему чаю дяди Юрия перед уходом его на службу. Дальше шел день, наполненный трудами, а летними вечерами они вдвоем еще успевали сходить погулять в поле, начинавшееся в конце улицы, и возвращались в сумерках – бодрые, с букетами в руках. <...>

Образы Олсуфьевых для всех, их знавших, неразрывно связаны с окружавшей их обстановкой. Они занимали наверху высокие, всегда прохладные комнаты. Дядя Юрий не выносил жары. Придя домой, распахивал дверь на балкон, а сам при этом зимой ходил дома в летней полотняной куртке. Дверь на балкон вела в небольшую проходную столовую с круглым столом и стульями красного дерева с бронзой. На стенах висели старинные фарфоровые тарелки с цветами. По вечерам комната освещалась несильным желтоватым светом десятилинейной керосиновой лампы. Наиболее светлые спальня и кабинет были уставлены старинной мебелью павловского времени и полны памятных художественных предметов. На стенах картины, портреты, портрет Софьи Владимировны работы Серова. Перед образами в спальне всегда была зажжена большая пунцовая лампада. В комнатах было уединенно, тихо, сокровенно. В такой обстановке, полной красивых, ярких и редких вещей, хозяева их жили требовательной к себе, почти суровой, трудовой жизнью. По словам Сергея Голубцова, по вечерам они ежедневно вычитывали монашеское правило, во всем подчиняясь указаниям и советам своего духовника, очень в то время почитаемого отца Порфирия, иеромонаха Гефсиманского скита. Помню, с каким волнением и радостью ждали здесь его посещения, сколько было торжественных и вместе с тем скромных приготовлений тети Сони»¹⁹.

Воспоминания Н.Д. Шик, урожденной княжны Шаховской, позволяют особенно ярко высветить необыкновенную энергию Олсуфьева, которую он проявлял в любом деле. «Под влиянием голода предшествовавших лет и по инстинктивному тяготению к “земле” мы взялись за обработку участка земли. Основными членами маленькой артели были семьи Олсуфьевых, Мансуровых и наша. Главным нашим хозяйственным ресурсом была неутомимая энергия Ю[рия] Ал[ександровича] и собственные наши руки. Нам отвели нераспаханный участок плохой глинистой почвы. Землю под картошку после вспашки, которая только подняла дерн, разбивали лопатами.<...> Староста нашей маленькой артели постоянно кипел хозяйственным азартом, заражая им моего мужа»²⁰. Это было в 1921 г.

Осенью 1919 г. Бондаренко ушел с поста председателя Комиссии, и ее возглавил Олсуфьев. Но уже через несколько месяцев – весной следующего года был назначен новый состав Комиссии, и в марте 1920 г. Олсуфьев вынужден был подать заявление об уходе²¹. Члены нового состава не имели необходимой подготовки для составления описей ценностей Лавры. Поэтому Отдел по делам музеев Главнауки уже в августе пригласил Олсуфьева на работу в Комиссию нештатным сотрудником – экспертом по древнерусскому искусству. Он был включен также в состав Межведомственной комиссии по отбору вещей в ризнице Лавры для сдачи государству. Во многом именно благодаря участию Олсуфьева удалось сдать вещи большой материальной ценности, но сохранить те, которые были ценны в художественном или историческом отношении²².

Олсуфьева, когда он был уже нештатным сотрудником, привлекали к разным работам, например, к отбору вещей из церкви Дома ребенка²³. В 1925 г. он вел протоколы расчистки икон, которой занимался реставратор Н.А. Баранов, а также составил протоколы-сводки расчистки икон, проводившейся ранее, в 1918–1919 годах²⁴. Но в основном в этот период он занимался составлением описей икон и предметов из серебра, исследованиями по истории искусства. Кроме того, ученый провел большую работу по

подготовке к печати монастырских документов: Синодика 1575 г., Описи 1641–1642 гг., Вкладной книги 1672 г. и написал историко-генеалогический комментарий к ней. В 1920–1927 гг. Олсуфьевым были опубликованы почти все его работы сергиево-посадского периода²⁵.

В 1920-х гг. Комиссия организовала ряд выставок, на основе которых создавались отделы Сергиевского историко-художественного музея. Олсуфьев принимал большое участие в двух таких выставках. Для первой – «Древнерусская книга» 1921 г. – он сделал описание рукописных книг и провел их экспертизу. Вторая – «Искусство XIV и XV веков» 1924 г. была создана непосредственно им²⁶. Вступительная статья к каталогу последней, написанная Олсуфьевым, отличается прекрасным, живым языком, как и другие, к сожалению, немногочисленные его научно-популярные труды. Автор не пытался объяснить посетителям представленные предметы – он призывал поверить в величие древнего искусства: «В чем заключается эта действенность искусства Византийской культуры второй половины XIV и XV века? Мы сказали бы – в изумительной возвышенности его образов. Вглядитесь в эти гаммы чистых, ярких, сильных красок, блеском которых вас так пленительно озаряют цвета древней русской иконописи, шитья, миниатюры. <...> Вам начинает мниться какая-то чудесная сказка, которой вы когда-то верили. Вы углубляетесь в эту сказку, и по мере удаления от повседневности она постепенно становится для вас реальностью»²⁷.

В конце 1924 г., при распределении обязанностей между членами Комиссии, Олсуфьеву был «поручен» отдел искусства XVI в. Он тут же занялся вопросами обустройства помещения для экспозиции: обратился в Комиссию с просьбой, чтобы архитектор А.А. Кеслер составил проект переделок в бывших портновской и серебряной мастерских для развертывания экспозиции, а также смету. Тут же он нашел возле кузницы несколько щитов из толстого котельного железа и три железные двери, которые и предлагал приобрести для ставен и дверей отдела²⁸. То есть, вновь с энтузиазмом занялся хозяйственными вопросами. Очевидно, что такая

деятельность была для Олсуфьева просто необходима из-за особенностей его характера.

А через несколько дней, 24 января 1925 г., Олсуфьева арестовали. Ордер был подписан Г. Ягодой. Как видно из материалов дела, арест был связан с намеченной ОГПУ ликвидацией «антисоветской группировки» в Сергиеве²⁹. Одновременно или немного позже в городе были арестованы еще несколько так называемых бывших: В.С. Трубецкой, В.А. Комаровский, А.И. и Е.С. Хвостовы³⁰.

В защиту Олсуфьева выступил архитектор А.В. Щусев, пославший в ОГПУ такое письмо: «Прилагая настоящую справку Главмузея, я удостоверяю, что Юрий Александрович Олсуфьев лично мне известен более 20 лет как гражданин, всецело преданный науке об искусстве, не занимая официальных государственных должностей, и особенно в последнее время он занимался ценными архивными исследованиями, чрезвычайно полезными для обоснования бытовых СТОРОН ОТРАСЛЕЙ РАБОЧЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ Сергиева Посада, а потому я всемерно ходатайствую о скорейшем рассмотрении его дела.

Москва. Февраля 14 дня 1925 г.

Академик архитектуры, автор Мавзоля В.И. Ленину» [подпись]³¹.

В справке Главмузея перечислялись должности Олсуфьева в Комиссии и его труды в ней. Но Щусев, очевидно, счел, что музейные заслуги арестованного в глазах работников ОГПУ мало что значат и выдвинул совершенно фантастическое обоснование в его защиту, полагая, что слова «Рабочая промышленность» будут иметь вес.

В этом деле Олсуфьева всего два доноса 1924 г.: первый от 12 июля, написанный на основании свидетельства некоего Зайчикова, и второй – информатора Костина от 14 ноября. В первом сообщалось, что в доме Зайчикова живет бывший фабрикант Вишняков, и у него собираются лица, как-то: князь Голицын, князь Трубецкой, граф Олсуфьев, Шик и Истомин. «Был случай на Троицын день, они вели таковое собеседование по

вышеозначенному адресу за скромным чаем до позднего времени, вели довольно тихий интимный разговор, подслушать не представлялось возможным»³².

Во втором доносе его составитель мог только сообщить, что видел иногда Олсуфьева с П.А. Флоренским, идущих вместе и о чем-то изредка переговаривающихся. Он добавлял также, что к этим лицам «по характеру отношения к совласти» примыкает Михаил Владимирович Шик³³.

На допросе Олсуфьев показал, что никогда не состоял ни в каких организациях, действующих против советской власти, принципиально был против политической деятельности, занят научными трудами. Среди знакомых в Сергиеве назвал только шесть человек: В.Д. Девиза, М.Г. Захарова, И.Э. Грабаря, А.И. Анисимова, С.П. Мансурова и А.Н. Свирина, указав: «С этими я очень часто вижу, есть и другие, более далекие. Вообще я веду очень уединенный образ жизни». Знакомство с Вишняковым и посещение дома Зайчикова Олсуфьев отрицал³⁴.

Олсуфьеву пришлось отвечать и на вопрос о местонахождении сына. Он показал, что его сын Михаил работает статистиком в экспедиции на Камчатке (По сведениям Г.И. Вздорнова, Михаил Юрьевич еще в 1924 г. тайно – через Владивосток и Китай – эмигрировал из СССР)³⁵.

В постановлении об избрании меры пресечения от 10 февраля 1925 г. записано, что Олсуфьев, <...> из бывших дворян, имел связь с контрреволюционными, монархически настроенными элементами, проводил контрреволюционную деятельность в целях свержения существующей советской власти»³⁶. Однако в заключении от 13 марта записано, что «изобличающих Олсуфьева данных в его антисоветской работе не добыто». И он, узник Бутырской тюрьмы, был освобожден³⁷.

По возвращении Олсуфьева на свободу за ним закрепили отдел «Эмали, скань, чернь, финифть, резьба по дереву, металлу, кости», а в 1926 г. руководству музея удалось, наконец, перевести его на штатную должность старшего помощника хранителя музея³⁸.

В записной книжке писателя Л.М. Леонова есть интересный текст о встрече с Олсуфьевым ранней весной того же года: «Водил меня по ризницам и тайникам старик Олсуфьев, тогдашний заведующий Лаврой, (ошибка в должности. – Т.С.) – из прежних, судя по глазам – познавший юдоль жизни»³⁹. Старик... Олсуфьеву было тогда 48 лет. Может быть, такое впечатление создавалось потому, что он стал носить бороду. М.М. Пришвин внес в свой дневник слова одной из жительниц Посада: «Граф Олсуфьев до какого свинства дошел: бороду отпустил, в рубашке ходит»⁴⁰. В 1926 г. Олсуфьев и его жена попали в список «лишенцев», причем в графе «Чем занимается в настоящее время» записано: «Не выяснено», а в графе «Документы, на основании которых произошло лишение избирательных прав», стоит: «Граф»⁴¹.

Но, несмотря на все передраги, стоило дирекции музея зачислить Олсуфьева в штат, как он снова стал выступать чуть ли не на каждом заседании правления музея, в том числе по хозяйственным вопросам⁴².

В 1926 – начале 1928 г. Олсуфьев занимался переустройством экспозиции древнерусской живописи и продолжал исследования в области иконописи. За этот период им был издан ряд трудов, среди них – «Опись древнего церковного серебра б. Троице-Сергиевой лавры (до XVIII в.)». В соавторстве с Флоренским вышла его книга «Амвросий, троицкий резчик XV века» (Сергиев, 1927), вызвавшая озлобленные нападки в печати.

Так, спецкор “Рабочей Москвы” М. Ам-ий 17 мая 1928 г. писал: «Некоторые ученые мужи под маркой государственного научного учреждения выпускают религиозные книги для массового распространения. В большинстве случаев это просто сборники “святых” икон, разных распятий и прочей дряни с соответствующими текстами <...> Вот один из таких текстов. Его вы найдете на стр. 17 объемистого “научного” труда двух ученых сотрудников музея – П.А. Флоренского и Ю.А. Олсуфьева, выпущенного в 1927 г. в одном из государственных издательств под названием “Амвросий, троицкий резчик XV века”. Авторы этой книги,

например, поясняют: «Из этих девяти темных изображений (речь идет о гравюрах, приложенных в конце книги. – М.А.) восемь действительно относятся к событиям из жизни Иисуса Христа, а девятое – к усекновению головы Иоанна». Надо быть действительно ловкими нахалами, чтобы под маркой «научной книги» на десятом году революции давать такую чепуху читателю Советской страны, где даже каждый пионер знает, что легенда о существовании Христа не что иное, как поповское шарлатанство. Питая читателя такой дрянью, засев в стенах этого богатейшего хранилища, мужи всячески препятствовали тому, чтобы запыленные документы о прошлом лавры стали общим достоянием трудящихся масс»⁴³.

Эта статья была только одной из многих, появившихся весной того года в журнале «Безбожник у станка», центральных и местных газетах, где Олсуфьев и другие лица из числа так называемых бывших обвинялись прежде всего в близости к Церкви. Так, одна из статей вышла под заголовком «Шаховские, Олсуфьевы, Трубецкие и др. ведут религиозную пропаганду»⁴⁴. Местная газета «Плуг и молот» 17 мая сообщала, что Олсуфьев на предложение «написать опровержение, что он, Олсуфьев, ни в каких связях с господом-богом не состоит, ответил: «Мои личные убеждения мне этого не позволяют, а на них никто не имеет права посягать»⁴⁵.

Вначале на клеветнические статьи Олсуфьев отвечал. Так, он написал рапорт в Музейный отдел Главнауки: «В № 3 журнала “Безбожник у станка” на первой странице помещено обо мне совершенно не отвечающее истине сообщение, причиной которого служит недоразумение. Меня причисляют к “церковным деятелям” к членам совета “Иоакимовского подворья” и к членам бывшего церковного Собора, я категорически заявляю, что никогда никакого не имел отношения ни к “церковным деятелям”, ни к “Иоакимовскому подворью”, о котором даже никогда не слышал, ни к церковным Соборам. Членом церковного Собора состоял мой однофамилец Дмитрий Адамович Олсуфьев, как можно убедиться из имеющихся, надо думать, списков членов Собора. Мне из моего прошлого нечего скрывать: по

окончании Университета я занялся искусствоведением, плодом чего были 6 выпусков “Памятников искусства Тульской губернии”, я никогда до 1918 г. на государственной службе не состоял, служа лишь в обществе сохранения памятников искусства почти от самого начала его возникновения, и состоял членом Московского Археологического института и двух архивных комиссий.

Никаких званий и чинов никогда не имел. При сем прилагаю копию с опровержения, которое направил в редакции “Рабочей газеты” и “Московского рабочего”. 6 апреля 1928 г. [подпись]»⁴⁶.

Другой рапорт был направлен Олсуфьевым заведующему Сергиевским историко-художественным музеем: «В № 87 “Комсомольской правды” помещено сообщение, затрагивающее государственный Сергиевский музей, в частности, меня. Указывается, что я якобы препятствовал автору статьи работать в б[ывшем] лаврском архиве. Я так понял. Не имея никакого отношения к упомянутому архиву, я не мог ни препятствовать, ни содействовать. Теперь только вспоминаю, что недели три тому назад один посетитель выставки меня спрашивал о доступности в архив, сам спросив, не лучше ли для занятий в нем заручиться удостоверением от Наркомпроса, на что я ответил, что ввиду того что архив не подведомственен музею, такое удостоверение или разрешение будет уместно. Потом я узнал, что лицо, спросившее у меня, как я понял, совета, было лицом официальным, представителем Политпросвета. Как единственный случай, который мог дать повод к сообщению в газете “Комсомольская правда”. Ст. пом. хранителя [подпись] 11 апреля 1928⁴⁷.

Но в тех условиях бесполезно было пытаться опровергнуть клеветнические обвинения. В мае 1928 г. в Сергиеве были проведены массовые аресты. По так называемому делу «Анτισоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево Московской области» проходили 80 человек⁴⁸. Однако Олсуфьеву в тот раз удалось избежать ареста. Как вспоминала А.В. Комаровская, поздно вечером он увидел свет в окнах

милиции, понял, что готовятся аресты, и быстро покинул город. Видимо, Олсуфьев оформил тогда отпуск в музей. «Рабочая газета» 9 июня 1928 г. привела слова заведующего Музейным отделом Главнауки Вайнера: «Старший хранитель музея, бывший граф Олсуфьев, будет снят с работы и уволен 16 июня – в день своего возвращения из отпуска. К работе в московском историческом музее или каком-нибудь другом музее он привлечен не будет»⁴⁹. И действительно, увольнение состоялось⁵⁰. Однако угроза Вайнера навсегда отстранить Олсуфьева от музейной работы не осуществилась: И.Э. Грабарь пригласил его в Центральные государственные реставрационные мастерские в Москве, а после их закрытия в 1934 г. до самого ареста – 24 января 1938 г. – Олсуфьев был заведующим секцией древнерусской живописи реставрационных мастерских Третьяковской галереи⁵¹.

Дом на Вальной улице Олсуфьевым пришлось покинуть. Часть мебели он предложил в дар Сергиевскому музею: два парных шкафа западной работы конца XVII в. и деревянный стол петровской эпохи. И просил сделать на них памятные таблички. Ответ был дан такой: «Считая, что прикрепление мемориальных досок является пережитком феодально-буржуазного быта, а также принимая во внимание политико-просветительный характер музея, <...> признать нецелесообразным восстановление дощечек на подарках Олсуфьева. <...> Подаренные гражданином Олсуфьевым вещи занесены в инвентарную книгу»⁵².

Так закончилась жизнь Олсуфьева в Сергиевом Посаде. За время работы в комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры и в Сергиевском историко-художественном музее он опубликовал более 20 работ и внес неоценимый вклад в дело создания музея. Накопленный им опыт нашел применение в его последующей деятельности, в том числе таких его трудах, как «Вопросы форм древнерусской живописи» и «Символ горнего», имевшей подзаголовок «Анализ икон Троице-Сергиевой

лавры как опыт иконологии»⁵³. Последняя работа осталась неопубликованной.

В январе 1938 г. Олсуфьев был арестован, обвинен по ст. 58 п. 10 (распространение антисоветских слухов) и по постановлению Тройки при Управлении НКВД по Московской области расстрелян 14 марта 1938 г. на Бутовском полигоне. Имя его в течение долгих лет не упоминалось. Реабилитирован Олсуфьев 21 июля 1989 г.

В 1938 г. при подготовке экспозиции по истории Лавры в XIX–XX вв. в плане было сказано, что «район представлял наиболее реакционное скопище графов, князей, купцов, генералов и т.д. – людей контрреволюционных», и был предложен экспонат – «Первая “комиссия” по охране памятников Троице-Сергиевой лавры, ее состав и связь с Тихоном»⁵⁴.

В 1941 г. сотрудник Загорского (бывшего Сергиевского) музея С.А. Волков по сообразительству (!) взял разработку темы «История музея». Не указывая имен членов Комиссии, он утверждал, что «многие из них и идеологическими устремлениями, и экономическим бытием были связаны с прошлым и поэтому не могли проводить в своей работе той политической и антирелигиозной линии, которая требовалась партией и правительством <...>. Комиссия старалась сохранить обломок старого мира, совершенно не понимая тех широких задач марксистского просвещения, которые были поставлены партией и правительством перед тогдашними работниками социалистической культуры. <...> Комиссия старалась всячески сохранить монастырь в неприкосновенности, прибегая в данном случае к помощи и защите Всероссийской Коллегии по делам музеев, во главе которой тогда стояла Н.И. Троцкая, враг народа, поддерживающая реакционную деятельность Комиссии и всячески препятствовавшая стремлениям Сергиевского комитета партии и передовых слоев местного населения бороться с обскурантистской деятельностью монахов и прикрывавших их членов Комиссии»⁵⁵.

В 1954 г. на совещании научных сотрудников музея при обсуждении каталога серебра, составленного Т.В. Николаевой, разгорелась полемика: упоминать ли в библиографии труды Олсуфьева: сделанные им, и опубликованные описи серебра Лавры. К чести автора она настояла на включении этих работ в научный аппарат книги⁵⁶. Ссылки на труды Олсуфьева стали появляться в 1960–1970 годы в некоторых капитальных изданиях⁵⁷. Но в год празднования 600-летия Куликовской битвы в статьях о храме Сергия Радонежского на Куликовом поле и музее в нем имя Олсуфьева еще не упоминалось⁵⁸.

В 1969 г. в одном из докладов на конференции, проходившей в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике, было отмечено, что работа, проделанная Комиссией, огромна, и среди имен ее членов назван Юрий Александрович Олсуфьев⁵⁹. В 1996 г. ему был посвящен небольшой раздел выставки «Трубецкие в нашем крае». Тогда же в местной печати появился материал об Олсуфьеве и близких к нему людях⁶⁰.

Ни в музее-заповеднике, ни в городе – на доме, принадлежавшем Олсуфьеву, до сих пор нет мемориальной доски.

---

¹ *Вздорнов Г.И.* Забытое имя // ПО. 1987. № 2 (16). С. 83–89; *Он же.* Юрий Александрович Олсуфьев // ВИ. 1993. № 4. С. 306–333 (далее – *Вздорнов Г.И.*, 1993); *Олсуфьев Ю.А.* Буецкий дом, каким мы оставили его 5 марта 1917 года // НН. 1994. № 29/30. С. 91–121 и № 31. С. 97–123. Публикация воспоминаний и вводная статья «О Ю.А. Олсуфьеве» *Г.И. Вздорнова.* С. 91–94.

² Графиня С.В. Олсуфьева, урожд. Глебова (1884–1943), внучка князя Николая Петровича Трубецкого, фрейлина императрицы Александры Федоровны. Была арестована 1 ноября 1941 г., осуждена по ст. 58-10, ч. II. Скончалась в Свияжском лагере 15 марта 1943 г.

³ *Олсуфьев Ю.А.* Буецкий дом... // НН. 1994. № 31. С. 122. Старец Анатолий (Потапов, 1855–1922), один из последних Оптинских старцев. О нем см.: Житие Оптинского старца Анатолия (Потапова) / Изд. Введенской Оптиной пустыни. 1995.

⁴ *Розанова Т.В.* «Будьте светлы духом...», М., 1999. С. 92.

⁵ *Урусова Н.В.* Материнский плач катакомбной Святой Руси // Русский паломник. (Журнал Валаамского общества Америки). 2004, № 27. С. 61.

⁶ Архив СПМЗ. Д. 1/1. Л. 1–6 об. В первый состав Комиссии входили П.А. Флоренский, Ю.А. Олсуфьев, П.Н. Каптерев, М.В. Боскин, И.Е. Бондаренко, Н.Д. Протасов, Т.Н. Александрова-Дольник. В дальнейшем состав Комиссии, просуществовавшей примерно до середины 1925 г., неоднократно менялся. О работе Комиссии см.: *Трубачева М.С.* Из

истории охраны памятников в первые годы советской власти // Музей 5, М., 1984. С. 152–164.

⁷ Архив СПМЗ. Д. 1/2. Л. 2–4об.

⁸ *Вздорнов Г.И.* 1993. С. 310.

⁹ Архив СПМЗ. Д.1/1. Л. 10 об. Ю.А. Олсуфьев и в дальнейшем неоднократно выходил с предложениями об изданиях: о воспроизведении особенно значимых икон Лавры (Там же. Д. 1/1. Л. 22); художественно-исторических описей икон, орнаментов рукописей, шитья, утвари и пр. (Там же. Д. 1/5. Л. 29 об.); доклада А.Н. Свирина о Корбухе – загородной резиденции наместника Лавры (Там же. Д. 1/46. Л. 6); произведений троцкого резчика Амвросия (Там же. Д. 1/71. Л. 25–25 об.); описей музея с репродукциями (ОПИ ГИМ. Ф.54. Ед. хр. 835. Л. 122–123).

¹⁰ *Олсуфьев Ю.А.* Иконопись // Троице-Сергиева лавра. Изд. Комиссии... Сергиев Посад, 1919. С. 64–82. (Републикация: *Граф Ю.А. Олсуфьев.* Икона в музейном фонде. Исследования и реставрация. Антология / Сост. А.Н. Стрижев. М., 2006. С. 158–170); *Он же.* Лицевые книги и их орнамент // Там же. С. 83–88. Отец Андроник (Трубачев) приводит текст статьи М. Горева «Черная доска», направленной против сборника-путеводителя «Троице-Сергиева лавра», и считает ее причиной уничтожения тиража сборника. (о. Андроник // *Священник Павел Флоренский.* Соч. в 4-х т. М., 1996. Т. 2. С. 763–765). Статья М. Горева впервые опубликована в журнале «Революция и церковь» (1919, март–май). Тираж сборника не был уничтожен сразу, а, видимо, только задержано его распространение, о чем свидетельствуют дела Комиссии. 11 января 1922 г. на ее заседании обсуждался вопрос о путеводителе, и было решено навести справку, в чьем ведении находится издание и сколько экземпляров имеется на складе при библиотеке (у о. Алексея). Решено было также вынуть из каждого экземпляра один лист с заглавием об издании Наркомпросом и Комиссией и установить цену 55 тысяч. А 12 июня на заседании Комиссии А.Н. Свирин предлагал поторопить передачу Комиссии путеводителя по Лавре – обратиться в Сергиевский исполком с просьбой о выдаче всего издания, хранящегося в лаврской библиотеке (Архив СПМЗ. Д. 1/36. Л. 6 об., 18 об.). Вероятно, эта задержка была связана с мнением заведующей Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (Музейным отделом) Главнауки Наркомпроса Н.И. Троцкой, которая в сентябре 1919 г. писала о том, каким ей видится путеводитель: «Предлагаю ко всему вышеизложенному прибавить составление путеводителя по Троице-Сергиевой лавре. Путеводитель должен быть составлен популярно, но без вульгаризации. Автор его должен быть проникнут сознанием, что работа его предназначена не для небольшой группы художников и ученых, а для широкого неподготовленного читателя и зрителя. Должен быть написан ярко, выпукло и доступно. Надо выявить величие памятников искусства перед новым читателем и зрителем». (Приписка к выписке из протокола заседания Комиссии 26 сентября 1919 г., на котором Флоренский докладывал о том, в каких направлениях будет вестись работа. – ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 835. Л. 1–1 об.).

¹¹ Архив СПМЗ. Д. 1/1. Л. 12 об., 17 об., 18, 22, 23 об.–24, 27–28; Д. 1/5. Л. 2–4 об., 12 об.–13, 20 об.–21 об., 29 об., 36–36 об., 40 об., 50–51 об., 54, 58, 59 об., 68.

¹² Там же. Д. 1/5. Л. 45–45 об. Д. 1/12. Л. 1–4, 27–32, 36–37, 39–39 об., 42–50 об. Волнения по поводу вскрытия мощей преподобного Сергия были не только среди местного населения, но и среди рабочих московской фабрики «Богатырь», присылавших в Посад своих представителей.

¹³ Там же. Д. 1/5. Л. 45 об.–46.

¹⁴ Там же. Д. 1/17. Л. 6–6 об.

¹⁵ Там же. Д. 1/5. Л. 45 об.–46.

¹⁶ *Розанова Т.В.* «Будьте светлы духом...». С. 84–85.

¹⁷ Комаровская Антонина Владимировна (1916–2002) – внучатая племянница С.В. Олсуфьевой. Семья Комаровских жила в Сергиевом Посаде в доме Олсуфьева в 1923–1928 гг. Текст воспоминаний хранится в Архиве автора. Опубликован с некоторыми изменениями в приложениях к книге: *Граф Ю.А. Олсуфьев. Икона в музейном фонде...* С. 344–360.

¹⁸ В.А. Серов, 1911. Пастельный портрет С.В. Олсуфьевой был спасен из усадьбы Буйцы родственником Олсуфьева художником П.И. Нерадовским, впоследствии продан родственниками С.В. Олсуфьевой в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Ил. см.: *Вздорнов Г.И. О Ю.А. Олсуфьеве...* С. 112.

¹⁹ *Смирнова Т.В.* Дом на Валовой и его обитатели: 1920-е годы в Сергиевом Посаде // МЖ. 1997. № 12. С. 34–35.

²⁰ *Шик Н.Д.* Мои встречи с С.П. Мансуровым. Рукопись. Автор с мужем, М.В. Шиком, приехала в Сергиев Посад летом 1918 г. М.В. Шик работал в Комиссии в 1919–1920 гг.

²¹ Архив СПМЗ. Д. 1/14. Л. 10.

²² Там же. Д. 1/14. Л. 22.

²³ Там же. Д. 1/26. Л. 1 об.

²⁴ Там же. Д. 1/10. Л. 1–34; Д. 1/77. Л. 1–17 об.

²⁵ Там же. Д. 1/44. 5 об.; Д. 1/67. Л. 1 об., Д. 1/79. Л. 12, 15. Список изданных и неопубликованных трудов Ю.А. Олсуфьева см.: *Вздорнов Г.И.* 1993. С. 329–332. Над текстом Описи Троице-Сергиева монастыря 1641–1642 гг. в 1919 г. работал С.Н. Дурюлин (Архив СПМЗ. Д. 1/5. Л. 41 об.–42.). Этот труд был закончен Ю.А. Олсуфьевым вместе с сыном Михаилом в 1922 г. В 1925 г. заведующий Сергиевским историко-художественным музеем В.Д. Дервиз обращался с просьбой о выделении средств на издание рукописи (36 п. л.), но они не были выделены (Архив СПМЗ. Д. 1/68. Л. 29).

²⁶ Архив СПМЗ. Д. 1/26. Л. 37; Д. 1/46. Л. 9.

²⁷ Искусство XIX и XV веков: Каталог наиболее выдающихся произведений этой эпохи в музее б. Троице-Сергиевой лавры / Изд. 2 доп. и испр. 1924. Вступительная статья каталога (С. 2–3) подписана «Ю.О.».

²⁸ Архив СПМЗ. Д. 1/46. Л. 34 об., 36; Д. 1/66. Л. 3–5.

²⁹ Следственное дело Ю.А. Олсуфьева // ЦА ФСБ РФ. Д.Р–25193. Л. 16.

³⁰ О «социальной диаспоре» «бывших» в Сергиевом Посаде см.: *Смирнова Т.В.* Сергиев Посад: 1920-е годы. Судьбы «бывших» // Труды ГИМ. М., 2003. Вып. 136. С. 422–444.

³¹ ЦА ФСБ РФ. Д.Р–25193. Л. 16.

³² Там же. Л. 1.

³³ Там же. Л. 3.

³⁴ Там же. Л. 13–14.

³⁵ Там же. Л. 14; *Вздорнов Г.И.*, 1993. С. 325.

³⁶ ЦА ФСБ РФ. Д.Р–25193. Л. 15.

³⁷ Там же. Л. 19.

³⁸ Архив СПМЗ. Д. 1/47. Л. 2; НА 1/1. Л. 1; НА–9. Л. 10, 24.

³⁹ *Леонов Л.* Из записной книжки // НН. 2001. № 58. С. 103.

- ⁴⁰ *Пришивин М.* 1930 год. [Дневник писателя] Октябрь. 1989. № 7. С. 157.
- ⁴¹ *Смирнова Т.В.* Лишенцы г. Сергиева: 1920-е годы // Труды ГИМ. М., 2004. С. 206.
- ⁴² Архив СПМЗ. Д. 1/11. Л. 8; 1/17. Л.1, 8; ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 835. Л. 123.
- ⁴³ Цит. по: *Шенталинский В.* Удел величия // Огонек. 1990. № 45. С. 24.
- ⁴⁴ Подробный обзор кампании травли «бывших» в г. Сергиеве см.: *Половинкин С.М., Флоренский П.В.* Второй арест // П.А. Флоренский: арест и гибель. Уфа. 1997. С. 31–46.
- ⁴⁵ Цит по: *Половинкин С.М., Флоренский П.В.* Второй арест. С. 38.
- ⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 835. Л. 156.
- ⁴⁷ Там же. Л. 158.
- ⁴⁸ Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных / Сост. В.Гончаров, В. Нехотин. М., 1998. С. 171–172.
- ⁴⁹ Цит по: *Половинкин С.М., Флоренский П.В.* Второй арест. С. 45–46.
- ⁵⁰ Архив СПМЗ. Д. 1/37. Л.2.
- ⁵¹ *Вздорнов Г.И.* 1993. С. 314–322.
- ⁵² Архив СПМЗ. Д. 1/32. Л. 14; 1/45. Л. 5 об.
- ⁵³ *Вздорнов Г.И.* 1993. С. 331, 332.
- ⁵⁴ Архив СПМЗ. НА–1/70. Л. 141.
- ⁵⁵ Там же. НА–74. Л. 7–8.
- ⁵⁶ Там же. Д. 1/194. Л. 59–60. *Николаева Т.В.* Произведения мелкой пластики XIII– XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960.
- ⁵⁷ *Антонова В.И., Мнева Н.Е.* Каталог древнерусской живописи XI – нач. XVIII вв. М., 1963. Т. 1–2. См. несколько ссылок на работы Ю.А. Олсуфьева по иконописи: Искусство стран и народов мира. Краткая художественная энциклопедия. М., 1971. Т. 3. С. 639.
- ⁵⁸ См., например, *Череватая О.* Реставрация памятников Куликова поля // ДИ. 1980. № 12. С. 42; *Шкурко А.* Музей в храме Сергия Радонежского // Там же. С. 44.
- ⁵⁹ *Клитина Е.Н.* К истории создания коллекции Загорского музея // Доклады на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина (декабрь 1969 г.). Изд. ЗМЗ, 1970. С. 17–18.

⁶⁰ *Смирнова Т.В.* Дом на Валовой и его обитатели // Вперед (газета Сергиево-Посадского района). 1996. № 19.

Принятые сокращения

ЗМЗ – Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник

ВИ – Вопросы искусствознания

Главнаука – Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями Наркомпроса

ДИ – Декоративное искусство СССР

НН – Наше наследие

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ПО – Памятники Отечества

СПМЗ – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник.

Доклад опубликован: Труды ГИМ. Забелинские научные чтения–2005. М., 2006. Вып. 158. С. 328–342.